

Тесе́й и Ромул

ТЕСЕЙ

1. Подобно тому как ученые мужи, трудясь над описанием земель, все ускользающее от их знания отгесняют к самым краям карты, помечая на полях: «Далее безводные пески и дикие звери», или: «Болота Мрака», или: «Скифские морозы», или: «Ледовитое море», точно так же и мне, Сосий Сенецион, в работе над сравнительными жизнеописаниями пройдя чрез времена, доступные основательному изучению и служащие предметом для истории, занятой подлинными событиями, можно было бы о поре более древней сказать: «Далее чудеса и трагедии, раздолье для поэтов и мифографов, где нет места достоверности и точности». Но коль скоро мы издали рассказ о законодателе Ликурге и царе Нуме, то сочли разумным дойти и до Ромула, в ходе повествования оказавшись совсем рядом с его временем. И вот когда я задумался, говоря словами Эсхила:

С подобным мужем выйдет кто на бой?
Кого послать? Кто с ним сравнится силой?¹ —

мне представилось, что с отцом непобедимого и прославленного Рима следует сопоставить и сравнить основателя прекрасных, всеми воспетых Афин. Я бы хотел, чтобы сказочный вымысел подчинился разуму и принял видимость настоящей истории. Если же кое-где он со своевольным презрением отвернется от правдоподобия и не пожелает даже приблизиться к нему,

просим благосклонного читателя отнестись со снисхождением к этим рассказам о старине.

2. Итак, мне казалось, что Тесей во многом сходен с Ромулом. Оба появились на свет тайно и вне брака, обоим приписывалось божественное происхождение,

Оба — славнейшие воины, в том убедились все мы²,

у обоих сила соединена с мудростью. Один основал Рим, другой Афины — два самых знаменитых города в мире. Оба — похитители женщин. Ни тот ни другой не избегли семейных бедствий и горя в частной жизни, а под конец, говорят, стяжали ненависть сограждан, — конечно, если некоторые предания, наименее баснословные, способны указать нам путь к истине.

3. Род Тесея со стороны отца восходит к Эрехтею и первым коренным жителям Аттики, а с материнской стороны — к Пелопу³. Пелоп возвысился среди пелопоннесских государей благодаря не столько богатству, сколько многочисленному потомству: многих из дочерей он выдал замуж за самых знатных граждан, а сыновей поставил во главе многих городов. Один из них, Питфей, дед Тесея, основавший небольшой город Трезен, пользовался славой учнейшего и мудрейшего мужа своего времени. Образцом и вершиною подобной мудрости были, по-видимому, изречения Гесиода, прежде всего в его «Трудах и днях»; одно из них, как сообщают, принадлежало Питфею:

Другу всегда обеспечена будь договорная плата⁴.

Такого мнения держится и философ Аристотель. А Эврипид, называя Ипполита «питомцем непорочного Питфея»⁵, показывает, сколь высоким было уважение к последнему.

Эгей, желавший иметь детей, получил от Пифии общеизвестное предсказание: бог внушал ему не вступать в связь ни с одной женщиной, пока он не прибудет

в Афины. Но высказано это было не совсем ясно, и потому, придя в Трезен, Эгей поведал Питфею о божественном вещании, звучавшем так:

Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий,
Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских.

Питфей понял, в чем дело, и то ли убедил его, то ли принудил обманом сойтись с Этрой. Узнав, что это дочь Питфея, и полагая, что она понесла, Эгей уехал, оставив в Трезене свой меч и сандалии спрятанными под огромным камнем с углублением, достаточно обширным, чтобы вместить и то и другое. Он открылся одной только Этре и просил ее, если родится сын и, возмужав, сможет отвалить камень и достать спрятанное, отправить юношу с мечом и сандалиями к нему, но так, чтобы об этом никто не знал, сохраняя все в глубочайшей тайне: Эгей очень боялся козней Паллантидов (то были пятьдесят сыновей Палланта)⁶, презиравших его за бездетность.

4. Этра родила сына, и одни утверждают, что он был назван Тесеем⁷ сразу, по кладу с приметными знаками, другие — что позже, в Афинах, когда Эгей признал его своим сыном. Пока он рос у Питфея, его наставником и воспитателем был Коннид, которому афиняне и поныне, за день до праздника Тесеи⁸, приносят в жертву барана — память и почести гораздо более заслуженные, нежели те, что оказывают скульптору Силаниону и живописцу Паррасию, создателям изображений Тесея.

5. Тогда еще было принято, чтобы мальчики, выходя из детского возраста, отправлялись в Дельфы и посвящали богу первины своих волос. Посетил Дельфы и Тесей (говорят, что там есть место, которое и теперь зовется Тесея — в его честь), но волосы остриг только спереди, как, по словам Гомера, стриглись абанты⁹, и этот вид стрижки был назван «Тесеевым». Стричься

так абанты начали первыми, а не выгучились у арабов, как думают некоторые, и не подражали мисийцам. Они были воинственным народом, мастерами ближнего боя и лучше всех умели сражаться в рукопашную, как о том свидетельствует и Архилох в следующих строках:

То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных
стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.
В бое подобном они опытни боле всего, —
Мужи-владыки Эвбеи, копейщики славные...¹⁰

И вот, чтобы враги не могли ухватить их за волосы, они коротко стриглись. Из этих же соображений, бесспорно, и Александр Македонский приказал, говорят, своим военачальникам обрить македонянам бороды, к которым в битве так и тянутся руки противников.

6. В течение всего этого времени Этра скрывала истинное происхождение Тесея, а Питфей распространял слух, будто она родила от Посейдона. Дело в том, что трезенцы особенно чтут Посейдона, это их бог-хранитель, ему они посвящают начатки плодов и на монетах чеканят трезубец. Тесей был еще совсем молод, когда вместе с крепостью тела в нем обнаружили отвагу, рассудительность, твердый и в то же время живой ум, и вот Этра, подведя его к камню и открыв тайну его рождения, велела ему достать опознавательные знаки, оставленные отцом, и плыть в Афины. Юноша проскользнул под камень и легко его приподнял, но плыть морем отказался, невзирая на безопасность путешествия и просьбы деда с матерью. Между тем добраться в Афины сушею было трудно: на каждом шагу путника подстерегала опасность погибнуть от руки разбойника или злодея. Тот век произвел на свет людей, мощью рук, быстротою ног и силою тела превосходивших, по видимому, обычные человеческие возможности, людей неутомимых, но свои природные преимущества не об-

ращавших ни на что полезное или доброе; напротив, они наслаждались своим наглым буйством, давали выход своим силам в дикости и свирепстве, в убийстве и расправе над любым встречным и, считая, что большей частью смертные хвалят совесть, справедливость и человечность, лишь не решаясь сами чинить насилия и страшась им подвергнуться, были уверены, что ни одно из этих качеств не подобает тем, кто превосходит мощью других. Странствуя по свету, Геракл часть их истребил, остальные при его приближении в ужасе разбежались, попрятались и, влача жалкое существование, были всеми забыты. Когда же с Гераклом стряслась беда и он, убив Ифита¹¹, удалился в Лидию, где долго нес рабскую службу у Омфалы, сам наложив на себя такую кару за убийство, у лидийцев воцарились мир и безмятежное спокойствие, зато в греческих землях злодеяния вновь вырвались наружу и расцвели пышным цветом: не было никого, кто бы их подавил или обуздал. Вот почему пеший путь из Пелопоннеса в Афины грозил гибелью, и Питфей, рассказывая Тесею о каждом из разбойников и злодеев в отдельности, о том, каковы они и что творят с чужестранцами, убеждал внука ехать морем. Но Тесея, как видно, уже давно тайно волновала слава Геракла: юноша питал к нему величайшее уважение и всегда был готов слушать тех, кто говорил о герое, в особенности очевидцев, свидетелей его деяний и речений. Он испытывал, несомненно, те же самые чувства, какие много позже испытал Фемистокл, признававшийся, что его лишает сна трофей Мильтиада¹². Так и Тесею, восхищавшемуся доблестью Геракла, и ночью снились его подвиги, и днем не давали покоя ревность и соперничество, направляя мысль к одному — как бы свершить то же, что Геракл.

7. Они состояли в кровном родстве, ибо родились от двоюродных сестер: Этра была дочерью Питфея, Алкмена — Лисидики, а Питфей с Лисидикой были братом

и сестрою, детьми Гипподамии и Пелопа. Поэтому Тесея считал нестерпимым позором, в то время как Геракл ходил на злодеев повсюду, очищая от них и сушу и море, уклониться от битв, которые сами ждуг его на пути, бегством по морю унижить бога, которого молва называет его отцом, а настоящему отцу просто доставить приметные знаки — сандалии и незапятнанный кровью меч, — вместо того, чтобы сразу же обнаружить чекан своего происхождения в славных и высоких поступках.

Рассудивши так, он двинулся в дорогу с намерением никого не обижать, но не давать спуска и пощады зачинщикам насилия. (8). И прежде всего, в Эпидаврской земле, ему довелось столкнуться с Перифетом, оружием коему служила палица (он так и звался «Палиценосным»); Перифет задержал Тесея и пытался не пустить его дальше, но был убит. Палица полюбилась Тесею, он взял ее с собой и с тех пор постоянно пользовался ею в боях, как Геракл — львиною шкурой: Геракл носил на плечах свидетельство того, сколь велик был зверь, которого он осилил; палица Тесея как бы возвещала: «Мой новый хозяин меня одолел, но в его руках я неодолима».

На Истме он казнил Синида, сгибателя сосен, — тем же самым способом, каким Синид погубил многих путников¹⁵. Не имея в этом деле ни навыка, ни опыта, Тесея доказал, что природная доблесть выше всякой тщательной выучки. У Синида была дочь по имени Перигуна, очень красивая и громадного роста. Она бежала, и Тесея искал ее повсюду. Забившись в густые заросли стебы и дикой спаржи, Перигуна простодушно, совсем по-детски молила эти растения — словно они могли услышать и понять — укрыть ее и спасти и клялась никогда больше их не ломать и не жечь. Но Тесея звал ее, заверяя, что позаботится о ней и не причинит ей никакой обиды, и она вышла; она родила от Тесея сына

Меланиппа, а впоследствии была супругой эхалийца Деионея, сына Эврита, за которого ее выдал Тесей. От Меланиппа, сына Тесея, родился Иокс, помогавший Орниту вывести переселенцев в Карию. Вот почему у потомков Иокса исстари повелось не жечь ни стебы, ни колючек дикой спаржи, но глубоко их чтить.

9. Кроммионская свинья¹⁴ по кличке Фэя была воинственным и свирепым диким зверем, противником отнюдь не пустяшным. Мимоходом Тесей подстерег ее и убил, чтобы не казалось, будто все свои подвиги он совершает по необходимости; вдобавок он считал, что ополчаться против негодных людей храброму мужу следует лишь в ответ на их враждебные действия, но на благородного зверя должно нападать первому, невзирая на опасность. Некоторые, правда, утверждают, что Фэя была разбойница, кровожадная и разнузданная; обитала-де она там же, в Кроммионе, «Свиньей» ее прозвали за гнусный нрав и образ жизни, а Тесей, мол, ее умертвил.

10. Около границ Мегариды Тесей убил Скирона, сбросив его со скалы. Обычно говорят, что Скирон грабил прохожих, но есть и другое мнение — будто он бесчинно и нагло протягивал чужеземцам ноги и приказывал мыть, а когда те принимались за дело, ударом пятки сталкивал их в море. Однако мегарские писатели оспаривают эту молву, «воюют со стариной», по слову Симонида, настаивая на том, что Скирон не был ни наглецом, ни грабителем, напротив — карал грабителей и находился в родстве и дружбе с благородными и справедливыми людьми. Ведь Эака считают благочестивейшим из греков, Кихрею Саламинскому воздают в Афинах божеские почести, каждому известна доблесть Пелея и Теламона¹⁵, а между тем Скирон — зять Кихрея, тесть Эака, дед Пелея и Теламона, родившихся от Эндейды, дочери Скирона и Хариклó. Невероятно, чтобы лучшие из лучших породнились с самым низ-

ким и подлым, отдали ему и, в свою очередь, приняли из его рук величайший и драгоценнейший дар! Тесей убил Скирона, заключают эти писатели, не в первое свое путешествие, по дороге в Афины, а позже, когда отнял у мегарян Элевсин, обманув тамошнего правителя Диокла. Таковы противоречия в преданиях о Скироне.

11. В Элевсине Тесей умертвил Керкиона, одолев его в борьбе, потом, немного далее, в Герме, — Дамаста-Растягателя¹⁶, заставив его самого сравняться длиной с ложем, точь-в-точь как тот обходился со своими гостями. Поступая так, Тесей подражал Гераклу. Геракл казнил нападавших тою же казнью, какую они готовили ему: Бусирида принес в жертву богам, Антея поборол, Кикна убил в поединке, а Термеру¹⁷ проломил череп. Отсюда, как сообщают, и пошла поговорка о Термеровом бедствии, ибо Термер разил встречных насмерть ударом головы. Таким образом и Тесей карал злодеев, терпевших от него лишь ту муку, какой они подвергали других, и несших справедливую расплату в меру собственной несправедливости.

12. Затем он пошел дальше, и у реки Кефиса его встретили мужи из рода Фиталидов¹⁸. Они первыми его приветствовали и, выслушав его просьбу об очищении, совершили положенные обряды, принесли умиловительные жертвы, а затем угостили его у себя в доме — а до тех пор он не встречал еще ни одного гостеприимного человека на своем пути.

В восьмой день месяца крония, ныне именуемого гекатомбеоном, Тесей прибыл в Афины. Он застал в городе волнения и распри, да и в семье Эгея все было неладно. С ним жила бежавшая из Коринфа Медея, которая посулила царю с помощью волшебных зелий исцелить его от бездетности. Догадавшись первой, кто такой Тесей, она уговорила Эгея, еще ни о чем не подозревавшего, дряхлого и во всем видевшего угрозу мятежа,

опоить гостя ядом во время угощения. Придя к завтраку, Тесей почел за лучшее не открывать, кто он такой, но предоставить отцу возможность самому узнать сына; и вот, когда подали мясо, он вытащил нож, чтобы, разрезая еду, показать старику меч¹⁹. Эгей сразу узнал свой меч, отшвырнул чашу с ядом, расспросил сына, обнял его и, созвавши граждан, представил им Тесея; афиняне радостно приняли юношу — они были уже слышаны о его храбрости. Говорят, что, когда чаша упала, яд разлился как раз на том месте, которое ныне обнесено оградой и находится в пределах Дельфиния²⁰. Эгей жил там, и изображение Гермеса, стоящее к востоку от храма, называют «Гермесом у Эгеевых врат».

13. До той поры Паллантиды надеялись завладеть царством, если Эгей умрет, не оставив потомства. Но тут преемником был объявлен Тесей, и, кипя злобою от того, что над ними царствует Эгей, всего-навсего усыновленный Пандионом²¹ и не имеющий ни малейшего отношения к роду Эрехтея, а вслед за ним царем делается Тесей, тоже пришелец и чужак, они начали войну. Мятежники разбились на два отряда: одни во главе с Палантом открыто двинулись на город со стороны Сфетта, другие устроили засаду в Гаргетте, чтобы ударить на противника с двух сторон. Среди них был глашатай, уроженец Агнунта по имени Леой²². Он сообщил Тесею о замысле Паллантидов, и тот, неожиданно напав на сидевших в засаде, всех перебил. Узнав о гибели товарищей, разбежался и отряд Паланта. С тех пор, говорят, граждане из дема Паллена не заключают браков с агнунтийцами и глашатаи у них не выкрикивают обычного: «Слушайте, люди!» — эти слова им ненавистны из-за предательства Леоя.

14. Не желая сидеть без дела и в то же время стараясь приобрести любовь народа, Тесей вышел против Марафонского быка, причинявшего немало зла и хлопот жителям Четырехградия²³, и, захватив его живьем,

показал афинянам, проведя через весь город, а затем принес в жертву Аполлону-Дельфинию.

Что касается предания о Гекале²⁴ и ее гостеприимстве, в нем, на мой взгляд, есть какая-то доля истины. В самом деле, окрестные демы все вместе справляли Гекалессии, принося жертвы Зевсу Гекальскому, и чтили Гекалу, называя ее уменьшительным именем в память о том, что она, приютив Тесея, еще совсем юного, постарушечьи приветливо встретила его и тоже называла ласкательными именами. А так как перед битвой Гекала молилась за него Зевсу и дала обет, если Тесей останется невредим, принести богу жертву, но не дожидаясь его возвращения, она, по приказу Тесея, получила после смерти указанное выше воздаяние за свое радушие. Так рассказывает Филохор.

15. Немного спустя с Крита в третий раз приехали за данью. Когда после коварного, по общему убеждению, убийства Андрогее²⁵ в Аттике Минос, воюя, причинял афинянам неисчислимы бедствия, а боги разоряли и опустошали страну — на нее обрушился недород и страшный мор, иссякли реки, — бог возвестил, что гнев небес успокоится и бедствиям наступит конец, если афиняне умильстят Миноса и склонят его прекратить вражду, и вот, отправив послов с просьбой о мире, они заключили соглашение, по которому обязались каждые девять лет посылать на Крит дань — семерых не знающих брака юношей и столько же девушек. В этом согласны почти все писатели.

Если верить преданию, наиболее любезному трагикам, доставленных на Крит подростков губил в Лабиринте Минотавр, или же, по-другому, они умирали сами, блуждая и не находя выхода. Минотавр, как сказано у Эврипида²⁶, был

Пород смешенье двух, урод чудовищный
и:

Быка и мужа естество двоякое.

16. Но, по словам Филохора, критяне отвергают это предание и говорят, что Лабиринт был обыкновенной тюрьмой, где заключенным не делали ничего дурного и только караулили их, чтобы они не убежали, и что Минос устраивал гимнические состязания в память об Андрогее, а победителю давал в награду афинских подростков, до поры содержащихся под стражею в Лабиринте. На первых состязаниях победил военачальник по имени Тавр, пользовавшийся тогда у Миноса величайшим доверием, человек грубого и дикого нрава, обходившийся с подростками высокомерно и жестоко. Аристотель в «Государственном устройстве Боттии»²⁷ также совершенно ясно дает понять, что не верит, будто Минос лишал подростков жизни: они, полагает философ, успевали состариться на Крите, неся рабскую службу. Некогда критяне, исполняя старинный обет, отправили в Дельфы своих первенцев, и среди посланных были потомки афинян. Однако переселенцы не смогли прокормиться на новом месте и сначала уехали за море, в Италию; они прожили некоторое время в Иапиигии, а затем, возвратившись, обосновались во Фракии и получили имя боттийцев. Вот почему, заканчивает Аристотель, боттийские девушки во время жертвоприношений иногда припевают: «Пойдемте в Афины!»

Да, поистине страшное дело — ненависть города, владеющего даром слова! В аттическом театре Миноса неизменно поносили и осыпали бранью, ему не помогли ни Гесиод, ни Гомер²⁸ (первый назвал его «царственнейшим из государей», второй — «собеседником Крониона»), верх одержали трагики, вылившие на него с проскения и скены²⁹ целое море хулы и ослабившие Миноса жестоким насильником. А ведь в преданиях говорится, что он царь и законодатель и что судья Радамант блюдет его справедливые установления.

17. Итак, подоспел срок отсылать дань в третий раз; родителям, у которых были не знавшие брака дети,

приходилось, сообразно жребию, расставаться с сыновьями или дочерьми, и снова у Эгея пошли раздоры с согражданами, которые горевали и с негодованием сетовали на то, что виновник всех бедствий единственный свободен от наказания, что, завещав власть незаконнорожденному и чужеземцу, он равнодушно глядит, как они теряют законных отпрысков и остаются бездетными. Эти жалобы угнетали Тесея, и, считая своим долгом не держаться в стороне, но разделить участь сограждан, он сам, не по жребию, вызвался ехать на Крит. Все дивились его благородству и восхищались любовью к народу, а Эгей, исчерпав все свои просьбы и мольбы и видя, что сын непреклонен и неколебим, назначил по жребию остальных подростков. Гелланик, однако, утверждает, будто никакого жребия не метали, но Минос сам приезжал в Афины и выбирал юношей и девушек и в тот раз выбрал первым Тесея; таковы-де были условия, предусматривавшие также, что афиняне снаряжают корабль, на котором пленники вместе с Миносом плывут на Крит, не везя с собою никакого «оружия брани», и что конец возмездию положит смерть Минотавра.

Прежде у отправлявшихся не оставалось никакой надежды на спасение, поэтому на корабле был черный парус в знак неминуемого несчастья. Однако на этот раз Тесей ободрял отца гордыми уверениями, что одолеет Минотавра, и Эгей дал кормчему еще один парус, белый, и велел поднять его на обратном пути, если Тесей уцелеет; если же нет — плыть под черным, возвещая о беде. Симонид пишет, что Эгей дал не белый, а «пурпурный парус, окрашенный соком цветов ветвистого дуба», и это должно было знаменовать спасение. Вел судно Ферекл, сын Амарсиада, как сообщает Симонид. Но по словам Филохора, Тесей взял у Скира с Саламина кормчего Навсифоя и помощника кормчего Феака, поскольку афиняне тогда еще не занимались морепла-

ванием, а в числе подростков находился Менест, внук Скира. В пользу этого свидетельствуют святилища героев Навсифоя и Феака, воздвигнутые Тесеем в Фалерах подле храма Скира; в их же честь, заключает Филохор, справляется и праздник Кибернесии³⁰.

18. Когда метанье жребия было завершено, Тесей забрал тех, кому он выпал, и, пройдя из пританея³¹ в Дельфиний, положил за них пред Аполлоном масличную ветвь³². То была ветвь со священного дерева, увитая белой шерстью. Помолившись, он спустился к морю. Все это происходило в шестой день месяца мунихиона, в который и ныне посылают в Дельфиний девушек с мольбою о милости. Говорят, что дельфийский бог повелел Тесею взять в путеводительницы Афродиту, и когда Тесей на берегу моря приносил ей в жертву козу, животное вдруг обернулось козлом; отсюда и прозвище богини — «Козлиная».

19. Прибывши на Крит, Тесей, как говорится у большинства писателей и поэтов, получил от влюбившейся в него Ариадны нить, узнал, как не заплутаться в извилах Лабиринта, убил Минотавра и снова пустился в плавание, посадив на корабль Ариадну и афинских подростков. Ферекид добавляет, что Тесей пробил дно у критских судов, лишив критян возможности преследовать беглецов. Более того, по сведениям, которые мы находим у Демона, пал военачальник Миноса Тавр, завязавший в гавани бой с Тесеем, когда тот уже снялся с якоря.

Но Филохор рассказывает все совершенно по-иному. Минос назначил день состязаний, и ожидали, что Тавр снова всех оставит позади. Мысль эта была ненавистна критянам: они тяготились могуществом Тавра из-за его грубости и вдобавок подозревали его в близости с Пасифаей³³. Вот почему, когда Тесей попросил разрешения участвовать в состязаниях, Минос согласился. На Крите было принято, чтобы и женщины смот-

рели игры, и Ариадну потрясла наружность Тесея и восхитила его победа над всеми соперниками. Радовался и Минос, в особенности — унижительному поражению Тавра; он вернул Тесею подростков и освободил Афины от уплаты дани.

По-своему, ни с кем не схоже, повествует об этих событиях Клидем, начинающий весьма издалека. По его словам, среди греков существовало общее мнение, что ни одна триера не должна выходить в море, имея на борту...* сверх пяти человек. Лишь Ясон, начальник «Арго»...** плывал, очищая море от пиратов. Когда Дедал на небольшом корабле бежал в Афины, Минос, вопреки обычаю, пустился в погоню на больших судах, но бурю был занесен в Сицилию и там окончил свои дни. Его сын Девкалион, настроенный к афинянам враждебно, потребовал выдать ему Дедала, в противном же случае грозился умертвить заложников, взятых Миносом. Тесей отвечал мягко и сдержанно, оправдывая свой отказ тем, что Дедал — его двоюродный брат и кровный родственник через свою мать Меропу, дочь Эрехтея, а между тем принялся строить корабли как в самой Аттике, но далеко от большой дороги, в Тиметадах, так и в Трезене, с помощью Питфея: он желал сохранить свои планы в тайне. Когда суда были готовы, он двинулся в путь; проводниками ему служили Дедал и критские изгнанники. Ни о чем не подозревавшие критяне решили, что к их берегу подходят дружественные суда, а Тесей, заняв гавань и высадившись, ни минуты не медля устремился к Кноссу, завязал сражение у ворот Лабиринта и убил Девкалиона вместе с его телохранителями. Власть перешла к Ариадне, и Тесей, заключив с нею мир, получил обратно подростков-заложников; так возник дружеский союз между афиня-

* Текст в оригинале испорчен.

** Текст в оригинале испорчен.

нами и критянами, которые поклялись никогда более не начинать войну.

20. Обо всем этом, равно как и об Ариадне, ходит еще немало других преданий, ни в чем друг с другом не схожих. Одни говорят, будто Ариадна удавилась, брошенная Тесеем, иные — будто моряки увезли ее на остров Наксос и там она разделяла ложе с Онаром, жрецом Диониса. Тесей же оставил ее, полюбив другую.

Страсть пожирала его к Панопеевой дочери Эгле — гласит стих из Гесиода, который, по сообщению Героя Мегарского, вычеркнул Писистрат, подобно тому как, стараясь угодить афинянам, приказал вставить в Гомерово «Заклинание мертвых» стих:

Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пирифоя³⁴.

Иные же утверждают, что Ариадна родила от Тесея Энопиона и Стафила. В их числе и хиосец Ион, который говорит о своем родном городе:

Энопион Тесеид град этот встарь основал.

Что же касается самого благоприятного для Тесея предания, то оно, с позволения сказать, навязло у всех на зубах. Но Пеон Амафунтский излагает его совершенно отлично от других. Тесея, говорит он, прибило бурей к Кипру, беременная Ариадна, измученная качкой, сошла на берег одна, а сам Тесей хлопотал на судне, как вдруг его снова понесло в открытое море. Местные женщины приняли Ариадну, старались рассеять уныние, в которое ее погрузила разлука, приносили подложные письма, якобы писанные ей Тесеем, оказали ей помощь и сострадали ее мукам во время родов; когда она умерла, так и не разрешившись от бремени, похоронили. Затем вернулся Тесей. Страшно опечаленный, он оставил местным жителям деньги и наказал им приносить Ариадне жертвы, а также воздвиг

два маленьких ее изображения, одно серебряное, другое бронзовое. Во время празднества во второй день месяца горпииея кто-нибудь из молодых людей опускается на ложе и подражает стонам и движениям роже-ницы. Жители Амафунта называют рощу, где показывают могилу Ариадны, рощею Ариадны-Афродиты.

Некоторые писатели с Наксоса тоже по-своему передают историю Ариадны. Было якобы два Миноса и две Ариадны, из коих одна сочеталась браком с Дионисом на Наксосе и родила Стафила, а другая, младшая, была похищена Тесеем; покинутая им, она прибыла на Наксос вместе со своею кормилицей Коркиной, чья могила цела поныне. Там же, на Наксосе, умерла и Ариадна, и ей оказывают почести, не похожие на те, которыми чтут первую Ариадну: в память о старшей справляют веселый и радостный праздник, когда же приносят жертвы младшей, то они отличаются характером печальным и угрюмым.

21. Плыв с Крита назад, Тесей причалил к Делосу, принес жертву Богу и посвятил ему статую Афродиты, которую взял у Ариадны, а затем вместе со спасенными подростками исполнил пляску, которую, как сообщают, еще и теперь пляшут делосцы: мерные движения в одну сторону, то в другую как бы воспроизводят запутанные ходы Лабиринта. Этот танец делосцы называют «журавлем», как пишет Дикеарх. Плясал Тесей вокруг Рогового жертвенника³⁵, целиком сбитого из левых рогов животных. Говорят, что он устроил и состязания на Делосе, и победители тогда впервые получили в награду пальмовую ветвь.

22. Корабль уже приближался к Аттике, но и кормчий, и сам Тесей на радостях забыли поднять парус, который должен был уведомить Эгея об их спасении, и царь, обманувшись в своих надеждах, бросился вниз со скалы и погиб. Выйдя на сушу, Тесей сам остался

в Фалерах, чтобы принести жертвы богам, которые он обещал им по обету, уходя в море, а в город отправил гонца с вестью о счастливом возвращении. Вестник застал многих граждан оплакивающими смерть царя, но другие, как и следовало ожидать, радовались и ликовали, услышав слова гонца, и хотели украсить его венками. Однако, приняв венки, он обвинил ими свой жезл и вернулся к морю. Тесей еще не совершил возлияний, и, не желая мешать священнодействию, гонец задержался в стороне, а когда возлияния были закончены, сообщил о смерти Эгея. Тогда с плачем и воплями все поспешно двинулись в город. Вот почему, говорят, и ныне во время Осхофорий³⁶ увенчивают не глашатая, а его жезл и возлияния сопровождаются криками: «Элелéу! Иу́-иу́!» Первый из них обычно издают, творя возлияние или распевая радостные песни, второй — в смятении и замешательстве.

Похоронив отца, Тесей исполнил данный Аполлону обет. В седьмой день месяца пианепсиона спасенные юноши и девушки вступили в город. Обычай варить в этот день бобы ведет свое начало, как говорят, от того, что спасенные собрали вместе все оставшиеся у них припасы и, сварив в одном горшке, съели за общим столом. Выносят иресиону — ветвь оливы, перевитую шерстью (наподобие тех масличных ветвей, с какими являлись тогда просители) и увешанную жертвенными первинами всевозможных плодов Земли, в память об окончании недорода, и припевают:

Иресиона, пошли нам фиги и хлеб в изобилье,
Дай нам меда вкусить, натереться оливковым маслом,
Чистого дай нам вина, чтоб сладко уснуть,

опьянившись.

Некоторые, впрочем, полагают, что это обряд в честь Гераклидов, которых воспитывали афиняне³⁷, но большинство держится мнения, изложенного выше.

Содержание

ТЕСЕЙ И РОМУЛ <i>Перевод С. П. Маркиша</i>	5
АЛЕКСАНДР И ЦЕЗАРЬ <i>Перевод В. А. Алексева, Г. А. Стратановского, К. П. Лампсакова</i>	83
ДЕМОСФЕН И ЦИЦЕРОН <i>Перевод С. П. Маркиша</i>	235
Примечания. <i>М. Л. Гаспаров</i>	321